

УДК 130.2+821.161.1

**МАНИФЕСТАЦИЯ И КОНКРЕТИЗАЦИЯ ЗНАКОВ
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО**

Безруков А.Н.

В работе дана характеристика творческого наследия Дмитрия Мережковского с позиций идентификации и функционирования культурных знаков. Актуальность предложенной темы связана с тем, что смысловой предел литературного текста заключается именно в мозаичном сложении эстетических кодов и реализации ментальных моделей, которые нарочито манифестированы Мережковским. Материал статьи может быть использован для дальнейшей конкретизации и оценки философской прозы Д.С. Мережковского. Выводы позволяют обобщить то, что воспринимать творчество Дмитрия Мережковского необходимо как новый прорыв в культуру, религию и философию, в вечность и бытие, в сознание читателя. Философская проза Мережковского волнует и расширяет мыслимое представление о форме человеческого бытия.

Ключевые слова: Дмитрий Мережковский, философская проза, культурный код, эстетический знак, ментальная схема, диалог.

**MANIFESTATION AND SPECIFICATION OF CULTURAL
IDENTITY SIGNS IN THE CREATIVE HERITAGE
OF DMITRY MEREZHKOVSKY**

Bezrukov A.N.

The article describes the creative heritage of Dmitry Merezhkovsky through the lens of identifying and functioning of cultural signs. The relevance of the proposed topic is related to the fact that the semantic limit of the literary text lies precisely in the mosaic composition of aesthetic codes and mental models that are deliberately manifested by Merezhkovsky. The material of the article can be used for further specification and evaluation of the author's philosophical prose. In conclusion, it is necessary to perceive the works by Dmitry Merezhkovsky as a new breakthrough to

the culture, religion, and philosophy, to eternity and existence, to the mind of the reader. The Merezhkovsky's philosophical prose excites and extends the conceivable idea of the form of human existence.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, philosophical prose, cultural code, aesthetic sign, mental scheme, dialogue.

Художественное наследие Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865-1941) в отечественной критической литературе долгое время оценивалось явно предубежденно или же использовалось в русле логики "отталкиваний". «У современников, как до революции, так и в эмиграции, он получал по большей части весьма критические оценки, хотя его эрудиция и ученость признавалась всеми» [16, с. 7]. О Мережковском сложно сказать, кто же он на самом деле – писатель, философ, богослов или историк. По меткому наблюдению Андрея Белого, он «при всей огромности дарования нигде не довоплощен» [5, с. 259]. И все же, «впечатляющ широчайший охват Мережковским культурной истории мира – от античности до XX века. Мировое культурное пространство представляется ему целостным феноменом духовно-интегративной природы. Мысль исследователя стремится преодолеть разного рода границы и причинно-следственные зависимости и обусловленности» [9, с. 307].

Как отмечал Н. Бердяев, «в отличие от Булгакова, более жизненного, с одной стороны, и более умственного – с другой, Мережковский весь вышел из культуры и из литературы» [7, с. 331]. Дмитрий Мережковский формирует вокруг себя некое **гиперкультурное пространство**, некую особую атмосферу. Но, разумея все его богатое творчество, можно сказать, что литературные тексты Д.С. Мережковского носят именно религиозный характер, все они решают какую-то религиозную проблему, ориентируют читателя на **религиозное миропонимание**, а потому исследователи должны видеть в их авторе именно религиозного мыслителя.

«Д.С. Мережковский считал, что научный прогресс, разнообразие течений в литературе, живописи, архитектуре и пр. – не укладываются в

традиционную христианскую схему, ограниченную догматами <...> Единственным спасением для культуры было превращение в религию» [12, с. 75]. И все же за основным смысловым тоном текстов предугадывается объемное культурное поле/пространство, которое следует дешифровать, конкретизировать, верифицировать для поддержания статусности и динамики объективного развития дальнейшей философско-эстетической мысли.

Переоценка ценностей в литературе конца XIX – начале XX века подтолкнула Д.С. Мережковского к необходимости модернизации религиозного сознания, а вместе с ним и всей модели мышления современного человека, определения новой культурной идентичности. «Мережковский очень любит противопоставлять созерцанию – действие, гностицизму – прагматизм. Это излюбленная его антитеза, к которой он особенно часто прибегает в последнее время. Старое Христианство – созерцание, гностицизм. Новое Христианство – действие, прагматизм» [7, с. 337]. Вместе с Зинаидой Гиппиус, Дмитрием Filosoфовым он создал так называемый «Союз трех», свою «маленькую Церковь»: «Мировая история Мережковским представлялась катастрофической сменой религиозных эпох» [11, с. 98], выстроить что-то новое было просто необходимо.

В формировании нового понимания религии активно участвовали В. Розанов, Л. Бакст, А. Бенуа. Отталкиваясь от **философии всеединства** Владимира Соловьева, Дмитрий Мережковский и его единомышленники пытались осуществить модернизацию Христианства с выходом к новой, «здоровой» в отличие от классической, по их мнению, синкретической модели объективации и описания действительности: «Синтез культуры и религии, "духа и плоти", к которому стремился Д.С. Мережковский, и является... выздоровлением» [12, с. 78]. Для писателя важным становится переложение, перевоплощение классической монологической модели в дуалистическую, расширительную. При этом культурные коды приобретают в его текстах статус концепта, ментально продуцирующего смысловой спектр, спектр еще знаково-невысказанный.

Создавая религиозно-философское общество, Д.С. Мережковский и его соратники хотели дать возможность сторонникам Церкви и интеллигенции понять друг друга точнее и правильнее. Объединение всего человечества, некий религиозный экуменизм – главная задача, поставленная ими. Именно отсюда исходит то, что история человечества сводится в работах Дмитрия Мережковского к истории религиозной жизни. Главным и значимым для него является **синтез духа и плоти**, порождающий «духовную плоть». В свою очередь, «онтология культуры, по Мережковскому, ее сущее – в единстве двух антиномических элементов – природы и религии. Неслучайно в русской литературе XIX в. сопряжение культа природно-естественного со все более нарастающим пафосом религиозных исканий» [9, с. 311]. Поэтому и произведения Д.С. Мережковского являются синтезом литературы и религии, нарочито совмещающим нетленный «дух» и тлетворную «плоть». Для потенциального *читателя* [3] пределы смысла в подобной модели задают большой спектр наличной свободы, большой ракурс идентификации и постижения культурно-исторической истины.

Немаловажной мыслью для Д.С. Мережковского являлась мысль о **спасении**, которое немислимо без Христа – абсолютно свободной личности, противопоставленной всем разочарованным, лишенным ощущения веры. Мысль о существовании Иисуса Христа в видении Мережковского (а также Ф.М. Достоевского) велика и огромна; отсутствие креста и воскресения делает, по его мнению, «суетной веру нашу». Выбор веры, ее формирование и развитие должно происходить в человеке по собственным представлениям. Действительно, каждый вправе сам выбирать, как действовать, как поступать, какой путь выбрать, какие средства адекватно могут подойти для реализации замысла. Спасение у Д.С. Мережковского представлено на уровне наднациональном, *всемирном*, может даже вселенском: религиозная свобода не должна ограничиваться ни обществом, ни государством, ни властью, т.к. «религиозный экстаз совершенно освобождает от страха – следственно, и от страха Божьего. И не страх Божий необходим, а новое восхищение» [18, с. 367].

Переводя искусство в сферу религии, Мережковский особый акцент делал на **свободу творчества**, свободу манифестации авторского голоса; от этого, может быть, и сам был одинок. В сфере литературного творчества, по Мережковскому, главным *структурообразующим, смыслоорганизующим* центром является именно **религия**; он нарочито декламировал идею религиозной целесообразности [2] и осуществлял попытку преобразовать настоящее средствами художественного слова. Таким образом может быть достигнута культурная идентичность, ибо поэтическое слово универсально в аспектах интерпретации и эстетической рецепции.

Следует отметить, что Дмитрий Мережковский – явление сложное и уникальное, загадочное и многоликое, противоречивое и знаковое [21]. Являясь автором стихов, романов, критических статей, он включил в них богатый культурно-исторический материал и дополнил его религиозным, философским осмыслением. Проза Дмитрия Мережковского становится для читателя универсальным набором культурных, эстетических, онтологических, **транс кодов**. В свою очередь, формальный характер нивелируется, на авансцену выдвигается глубинное зерно **правды-истины**: неиронично можно расценить, что «нет для Мережковского большего удовольствия, чем поиздеваться над человеческим рассудком, над «малым разумом», которому противопоставляет он «мудрость», готовую на любую сделку с фантазией» [1, с. 54].

Главным объектом литературных интересов Мережковского была духовная и религиозная культура, нашедшая в его лице страстного защитника и оригинального толкователя. В критической литературе встречаем: «Д.С. Мережковский настоятельно подчеркивает, что даже при высокой степени развития материальной цивилизации, но при отсутствии духовной культуры, она рано или поздно приходит к всеобщему упадку» [6, с. 21]. Следовательно, Д. Мережковский целеустремленно в эпоху христианского кризиса возрождал нетленные, неразрушимые, но отвергаемые многими и частично забытые **ценностные ориентиры**. Осмысляя во вселенских масштабах культурно-религиозную тему, писатель останавливается на ней как основополагающей.

Следует предположить, что в этом и заключается масштабность, глубина и концептуальность взглядов Мережковского.

Конструктивно Николай Бердяев отмечал, что Д.С. Мережковский является «литературным источником духовного Возрождения», «синтез Мережковского остается чисто ментальным, формальным, схематическим, бессильным. У него есть задание великого синтеза, вечный призыв к тому, чтобы синтез совершился, надрывный крик о синтезе, но нет самого жизненного и познавательного синтеза. Мережковский очень ментален, но то, что он делает, не есть познание. Своей беспомощности и своему бессилию религиозно синтезировать стоящие перед ним антитезы он придает принципиально мистическую окраску. Он остается в вечном двоении, и это двоение – наиболее характерное, наиболее оригинальное в нем» [7, с. 335]. Итогом дифференциаций становится новая доктрина, новый религиозный манифест, связанный с поиском единства сакральных противоположностей, которое пронизывает его тексты, начинаясь сборником «Стихотворения» (1883-1887), продолжаясь трилогией «Христос и Антихрист» (1895-1904) и заканчиваясь циклом «Испанские мистики» (1939-1941).

Мировую историю Д.С. Мережковский воспринимает **триединым процессом**, в котором язычество с его культом плоти сменяется антитезисом – церковным христианством с его умерщвлением плоти и аскетизмом. Однако историческое христианство исчерпывает себя и перед человечеством открывается царство «Третьего Завета», соединение плоти и духа. Именно об этом размышляет Мережковский в трилогии «Христос и Антихрист» – одном из самых значительных явлений в его творчестве. В текстах отразились раздумья автора о духовном развитии мировой культуры, которая, пережив многовековую трагедию разрыва между христианством и язычеством, пришла к осознанию неразрывного единства. Как отмечает О.В. Дефье, тексты «объединены стремлением по-новому увидеть историю духовной культуры, представить ее как шифр, отражающий тайную диалектику движущих ею сил» [8, с. 54]. Следует согласиться с данной мыслью, ибо код Мережковского

находится во власти трансформационных колебаний, однозначно объяснить которые не получается по определению.

Главной культурологической проблемой культурфилософских и литературных произведений Д.С. Мережковского является перевод бинарных, дуальных моделей, свойственных отечественной культуре на троичные структуры западного сознания. Для него дуальные модели (добро – зло, дух – плоть, Христос – Антихрист, истина – ложь) представляются разрушительными, чреватými расколом, безусловной трагедией. Триады же, в интерпретации Д.С. Мережковского, более стабильны и устойчивы. Они обладают некоей цельностью, слиянностью, какой-то независимостью. Модель, создаваемая в текстах произведений, – есть универсальная модель диалектики единого и, одновременно, множественного. Это начало, контрапункт **культурного синтеза**, к которому и должно стремиться человечество. В тройственности **мира-реальности** Д.С. Мережковский видит спасение, поэтому не случайно его тексты раскладываются на триады, следовательно, и по форме, и по содержанию ориентированы на модель органичного единения.

С первых шагов в литературе у Д.С. Мережковского наблюдается стремление к расширению концепций, доведение до некоего абсолюта **кода** практически всего: **форма, содержание, смысл**. Форма – триединство – некий вызов автора, отсылка к прошлому, знаковое подобие совершенства. В содержательном плане – попытка соединить/примирить антихристианский нигилизм Ф. Ницше с исканиями Вселенской церкви Вл. Соловьева. Аспекты же смысла [4] редуцируются, расширяются, мифологически слагается в ризомный конгломерат: «самая главная мифологема, проходящая через все произведения Мережковского, основная для изображения героя: *богочеловек – человекобог*» [17, с. 22]. «С мифологемой богочеловека-человекобога связана, как ее расширение, вторая важная пара Мережковского: богочеловечество-бесчеловечество, или "Царствие Божье" – "дурная бесконечность"» [17, с. 24]. Как отмечает Сергей Бельчевичен «перипетии истории, объяснение различных культурных феноменов выводятся Д.С. Мережковским из специфики

человеческого бытия. Философ воспринимает культурно-исторический процесс сквозь призму существования индивида, душа которого – арена борьбы между языческим и христианским началами. В процессе борьбы между этими противоположными полюсами в человеке, а значит, и в обществе и происходит появление различных культурно-исторических форм» [6, с. 22]. В плане эстетики в его творчестве реализуются установки **символизма**: это отстранение от пространства реальности в метафизическую природу видимого мира, расшифровка «тайны» с ориентировкой на соединение российской православной культуры с Вселенской Церковью.

Дмитрий Мережковский провозглашает «три главных элемента нового искусства: *мистическое содержание, символы* и расширение художественной впечатлительности» [13, с. 459]. Как отмечал Олег Михайлов, «для него одинаково важны правда неба и правда земного мира, дух и плоть, борьба которых происходит в человеке. В своих произведениях он отходит от абстрактных схем и обращается к конкретным наблюдениям, показывая свободу эстетического анализа» [15, с. 662-666].

Мережковский исследует человека в крайностях добра и зла, жизнь его определяет возможностью творческой реализации. Мысль/идея о «сверхчеловеке» трактуется им как движение от одиночества к Богу посредством любви. Сверхчеловек для него высшая точка, вершина и в то же время – обрыв/бездна, за которым путь, но путь сверхисторический, духовный полет. Мережковский ориентирует себя на открытость мысли, иногда даже опасаясь этого, а читателя на свободу интерпретаций. В мировой жизни, по Мережковскому, всегда существовала и существует полярность, в ней борются две правды – небесная и земная, дух и плоть, Христос и Антихрист. Первая проявляется в стремлении духа к самоотречению, слиянию с Богом, вторая – к стремлению человеческой личности к самоутверждению, обожествлению своего «я», владычеству индивидуальной воли. Одновременно с этим, следует помнить: «Мережковский окончательно утвердился в мысли о том, что будущее России – не в примирении Христа и Антихриста, а оппозиция "Восток – Запад"»

наполнилась новым содержанием ("Европа – Азия" вместо "Россия – Европа")» [20, с. 84]. Следовательно, автор не создает цельной, полновесной картины существования, весь текст лишь отсылка к нему, текст это только намеченный путь. Далее пусть читатель сам создает и формирует для себя концепцию, кристаллизует вероятностный смысл.

Все в произведениях Мережковского двусмысленно, двулико, *многообразно*. Сложно и практически невозможно приблизиться к центру текста, найти стержень авторской мысли. Чтение его произведений превращается в процесс воспроизведения «молитвы», произносимой про себя, а состояние мысли можно расценивать как искушение души. Следует взять на вооружение мысль Юрия Зобнина, что Дмитрий Мережковский отказывается от нарочито традиционной «художественности» текста, сделано это для того, чтобы вести прямой, непосредственный диалог-разговор с читателем. В данном случае главным героем становится «сам автор, созерцающий исторические события, их участников, удивляющийся, сострадающий, возмущающийся и пытающийся понять сокровенный смысл происходящего» [10, с. 339].

Таким образом, проза Д.С. Мережковского является важной составляющей отечественной и мировой литературы. Она – путь от «полифонического романа Достоевского к концептуальному роману XX века» [14]. Мережковский сформировал новые ценностные ориентиры, окружил себя пространством тайны, которая манит и занимает читателя, языково воплотил вероятно развивающийся авторско-философский дискурс. «Наличная языковая структура способна не только фиксировать ряд первостепенных авторских установок, но и давать возможность читателю интерпретировать их, то есть актуализировать для конкретного места и времени. Чтение, таким образом, превращается, как в манипуляцию знаков с акцентной установкой игры, так и в преодоление буквальной, хотя и универсальной формы, в новый код описания миропорядка» [15, с. 7].

Выводы Мережковского вольны и откровенны, оригинальны и сопоставимы с реальностью, четки и, одновременно, размыты. Все это

позволяет воспринимать его творчество как новый прорыв в культуру, религию и философию, в вечность и бытие. И, конечно же, воссоздание спектральности знаков культурной идентичности, которая так необходима сознанию читателя, ибо данный процесс не столько волнует эмоционально, сколько расширяет мыслимое представление о форме человеческого бытия, о способах дешифровки сути брэнной человеческой жизни.

Значение творчества Дмитрия Мережковского для русской, да и мировой литературы XX – XXI веков поистине огромно. Духовный опыт, который был зафиксирован в конце XIX – начале XX века Мережковским до сих пор является ценным инструментарием. Реалисты, модернисты, постмодернисты активно модифицирует в русле своих экспериментов его эстетические опыты. Национальная идентичность, коллективное, синтетическое целое, религиозная [19] проблематика, культурфилософская разверстка мысли обретают в прозе Д.С. Мережковского действенный характер. Идеальный читатель выявляет «для себя» то необходимое и аксиологически правильное в зависимости от колебаний исторического времени.

Список литературы:

1. Адамович Г.В. *Одиночество и свобода* / Сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. – СПб.: Алетейя, 2002. – 476 с.
2. Андрущенко Е.А. Властелин «чужого». Текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. – М.: Водолей, 2012. – 248 с.
3. Безруков А.Н. Интенциональная природа рецепции // *Yearbook of Eastern European Studies*. – 2015. – № 5. – С. 5-26.
4. Безруков А.Н. Структурация смысла в художественном дискурсе // *Стилистика сегодня и завтра. Мат. IV Международной науч. конференции*. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. – С. 68-72.
5. Белый А. Мережковский // *Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология*. –

СПб.: Изд-во «Русского Христианского гуманитарного института», 2001. – С. 257-266.

6. Бельчевичен С.П. Философия истории и культуры Д.С. Мережковского // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2014. – № 3. – С. 19-30.

7. Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. – СПб.: Изд-во «Русского Христианского гуманитарного института», 2001. – С. 331-353.

8. Дефье О.В. Духовное всеединство Д.С. Мережковского // Педагогика. – 2002. – № 2. – С. 52-57.

9. Житкова Л.Н. Феноменологическая культурология Д. Мережковского // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа): сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 306-318.

10. Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 436 с.

11. Кошарный В.П. Учение о религиозной революции Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и Д.В. Filosofova // Соловьевские исследования. – 2017. – № 3(55). – С. 96-111.

12. Малашонок М.Г. Проблема синтеза религии и культуры в понимании Д.С. Мережковского // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 12-1 (56). – С. 74-79.

13. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – 903 с.

14. Минц З.Г. О трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Минц З.Г. Блок и русский символизм: избранные труды: в 3 кн. Т.3. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – С. 223-241.

15. Михайлов О.Н. Пленник культуры (О Д.С. Мережковском и его романах) // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 4. – М.: Правда, 1990. – С. 662-666.

16. Николюкин А. Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. – СПб.: Изд-во «Русского Христианского гуманитарного института», 2001. – С. 7-28.

17. Осьминина Е.А. Египетские мифологемы у Д.С. Мережковского // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 21-29.

18. Поплавский Б.Ю. По поводу... «Атлантиды – Европы» // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. – СПб.: Изд-во «Русского Христианского гуманитарного института», 2001. – С. 365-368.

19. Сарычев Я.В. Религия Дмитрия Мережковского: «неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. – 2-ое изд., стереотип. – М.: Флинта, 2017. – 224 с.

20. Холиков А.А. «Религия» как сверхтема во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 79-87.

21. Холиков А.А. Д.С. Мережковский в истории русской литературы досоветского периода // Мир русского слова. – 2011. – № 1. – С. 73-77.

Сведения об авторе:

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета (Бирск, Россия).

Data about the author:

Bezrukov Andrei Nikolayevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Philology Department, Birk Branch of Bashkir State University (Birk, Russia).

E-mail: in_text@mail.ru.